

Хан Соло, командир "Синего крыла" на борту "Дома-Один", растягивал заключительную часть своей лекции для последней группы новых пилотов, рядом с ним в космосе медленно вращалось большое голографическое изображение одного из новых межконтинентальных истребителей Империи.

Он взгляделся во мрак, окидывая взглядом это море ярких, выжидающих лиц, размышляя о том, что они, казалось, становятся немного моложе с каждым годом...

При этих словах Хан прищурился, и ему в голову пришла тревожная мысль;

а может быть, это он стареет?

Нет, этого не могло быть.

Это был новый красный полет;

"Искра", так они прозвали себя из-за своих ярких, хорошо заметных оранжевых летных костюмов, застегнутых на все молнии, хотя некоторые уже начинали подражать ветеранам, которые носили свои жаркие, душные летные костюмы расстегнутыми и спущенными до пояса, рукава были обхвачены и завязаны на талии узлом.

Красные;

Пилоты "Яркие Искры", если им это удастся.

"Яркие Искры", так они называли свою новую группу Крыльев.

Хан уже сказал им, что до завершения их первого настоящего боевого задания половина из них оказалась бы не более чем вспышкой в темноте.

Его внимание привлекло движение на краю аудитории, когда вошла Лея, дверь на мгновение открылась, впуская полосу яркого света из коридора за ней.

Она многозначительно подняла брови, на ее лице появилось напряженное, нервное выражение, от которого у Хана все сжалось в груди.

Оглянувшись на новобранцев, он быстро закончил лекцию:

"Итак, подводя итог: если вы смотрите на хвост, вы смеетесь ... но не забывайте следить за его ведомым.

И если он смотрит на твой хвост, то тебе лучше надеяться, что у твоего ведомого больше смекалки, чем у тебя, иначе вы оба превратитесь в пыль.

Поняли... хорошо, тогда вернемся к

симуляторам полетов."

Раздался сдержанный стон, и Хан не смог удержаться от улыбки, вспомнив то время, когда он тоже чувствовал, что самое захватывающее в галактике

- это сесть за штурвал космического корабля

- настоящего, который у него был.

Я все еще немного ощущаю это на "Соколе", хотя новизна полета на истребителе А-Крылья для Альянса вскоре прошло после

нескольких месяцев тесноты в холодной кабине, от которой стучали зубы.

Да;

несколько недель двойных смен в "курносом истребителе" излечили бы от этого любого.

□ □ □

Тем не менее, он ухмыльнулся в ответ на их стоны, забавляясь:

"Что? Вы серьезно думали, что я позволю вам запихнуть негодяев в один из моих замечательных Крестокрылов?

Шестьдесят часов, люди.

Возвращайся, когда у тебя на карте будет шестьдесят часов результативных боев, и я могу

- я просто могу

- позволить вам подняться.

"Ваши крестокрылы в любом случае

- груды метала".

- пробормотал какой-то умник из толпы, когда они гуськом направились к двери.

Хан набросился на него:

"Эй, следи за своим языком, парень, или ты обнаружишь, что летаешь по мусорным бакам, пока галактика не перестанет вращаться".

На мгновение он потерял миниатюрную Лею из виду под блеском ярко-оранжевых комбинезонов и юношеских улыбок, когда шумная группа пилотов направилась к выходу, поворачивая к летным тренажерам дальше по коридору.

Она взглянула на Хана поверх их голов, почти скрытая ими, такой крошечной она была, встав на цыпочки, чтобы не

упускать его из виду:

"Что-то происходит на Корусканте".

"Да?"

Хан не был впечатлен.

"На Корусканте всегда что-то происходит".

Лея проигнорировала его слова;

она обнаружила, что часто это был лучший выход, иначе они сильно отклонялись от темы, и один или другой из них всегда срывался с места прежде, чем она действительно доходила до сути того, что пыталась сказать.

"Вы знаете, что Палпатин отменил суд два дня назад

- и вчера?

Мы только что получили известие, что сегодня его снова отменили".

"Дай парню передышку, Лея",

- протянул Хан, возвращаясь к кафедре, чтобы выключить голографию, паника, которой он был охвачен, прошла.

"Это тяжелая работа, которая превращает галактику в пепел и в то же время обескровливает ее.

Может быть, он взял отпуск

- где-нибудь в солнечном месте.

Форс знает, что парню не помешало бы немного подрумянить щеки."

"Серьезно, Хан, такого никогда раньше не случалось".

Настаивала Лея, начиная задаваться вопросом, зачем она вообще потрудились проделать весь этот путь сюда.

Хан повернулся, чтобы взять ее за плечи, когда она следовала за ним, не скрывая кривую усмешку, которой, он знал, она не смогла сопротивляться, и легонько поцеловал ее в лоб в знак ободрения, напоминая ей, зачем именно она здесь.

"Послушай, милая, это, все, ерунда.

В прошлом году он отправился в то... зимнее убежище в прошлом году, и суд отменили на две недели".

"Суд не был отменен, он был перенесен в Зимний дворец".

Поправила Лея:

"И разведка говорит, что это было сделано, чтобы представить Кирию Д'Арк наследнику в менее официальной обстановке".

"Пожалуйста,

- усмехнулся Хан,

- они собирают весь Двор почти на другом конце планеты, на Полюсе, только для того, чтобы устроить публичный показ очередной

избалованной маленькой принцессы ..."

Хан отступил на полшага назад, вытянув руки перед собой:

"Без обид, милая

- и все для того, чтобы они могли познакомить ее с Люком так, чтобы это не казалось слишком очевидным?

Ты можешь сделать это где угодно".

На этом он начал имитировать воображаемое вступление, указывая руками на пустые места, пока он повторял свою рутину:

"Люк это Д'Арка. Д'Арка; Люк. Видишь? ".

Раньше Лею сводило с ума то, что Хан упрямо цеплялся за привычку называть Наследника именем, которым он пользовался, когда был шпионом здесь, в Альянсе;

теперь это проскальзывало незамеченным так часто, что она даже время от времени ловила себя на том, что снова думает о нем именно так.

Каким-то странным образом это облегчило; у него было много титулов с тех пор, как он закончил свое проникновение в Альянс и вернулся в Империю, но, как ни странно, не получил настоящего имени, как будто Палпатин не хотел раскрывать правду.

Конечно, его прошлое было отрезанной нитью; никто, даже ботаны, не смог раскрыть ни малейшего факта о нем. Хан, конечно, воспринял все это как достаточное доказательство того, что Люк Скайуокер был... ну, Люк Скайуокер, это был самый большой скачок в логике и вере, который Лея когда-либо видела - особенно для самопровозглашенного циника.

Это было до странности бесчеловечным делом - знать другого только по его титулу, что заставляло человека всегда немного чувствовать себя неловко, говоря о нем. Возможно, дело было в этом - но если так, то это было потрачено на нее, - заметила Лея; Император слишком часто занимался тонкостями и играми разума, и она не купилась. «Я думаю, что было немного больше на кону, если Палпатин был готов сместить весь Дворец, чем...» Лея сделала паузу, понимая, что Хан только что сказал о избалованных принцессах,

«Что ты имеешь в виду, без обид !?» Он глубоко вздохнул, чтобы ответить ей, но она протянула руку, упрямо цепляясь за причину своего прихода сюда: «Стой, не отвечай на это. Дело в том, что Intel говорит, что «Палач» должен был вчера выйти из орбиты для Нал Хатты и Патриот должен был улететь сегодня, а они оба все еще находятся на геостационарной орбите - и Бесподобный присоединился к ним. Когда вы в последний раз видели три суперзвездных разрушителя на орбите вокруг Корусанта? " Хан нахмурился, чувствуя, как что-то начало ползать по его спине.

«В самом деле?» Cos Flight Control начинает получать обычные отчеты Intel за последние два дня, в которых говорится, что «Разрушители» нарушают стандартные графики дежурства ». Лея обхватила себя руками, не в силах избавиться от ощущения, что произошло что-то грандиозное, вспоминая странное, запутанное чувство, которое внезапно вытащило ее из сна

три дня назад, разум и желудок были связаны узлами страха и паники, крича в ночь. Вспоминая, как много часов бродили в темноте, не в силах избавиться от смутного кошмара или успокоить бьющееся сердце, зная каждой фиброй своего существа, что каким-то образом, где-то произошло что-то важное, какой-то основной сдвиг, одновременно слишком далеко, но все же слишком большой чтобы увидеть.

Последние три дня она провела на иголках, ожидая, наблюдая за некоторыми изменениями, аномалиями, некоторыми отходами от рутины. И вот оно. В первый день было легко уволиться; неожиданный отчет поверх плохого сна. Палпатин иногда отменял Суд на ночь, обычно параллельно с исчезновением Наследника на несколько недель, и, конечно, Ботаны подтвердили это на этот раз, регулярно проверяя его местонахождение, если Суд был сорван. Затем вчера пришло такое же сообщение; Суд отменен, Наследника нет. Были отмечены изменения в расписании дня во Дворце; охранники переназначены, штурмовики сбиты с двух суперзвездных разрушителей на орбите.

Три неподтвержденных сообщения о том, что в Жилых башнях - в Башнях были штурмовики с синими наплечниками! Это было беспрецедентно. И так продолжалось в течение дня; изменения в заранее назначенных курсах на эсминцах, повышенные уровни обмена на линиях военной связи, штаб командования таинственным образом переназначен без предварительного уведомления, Бесподобные вновь появляются на Корусанте. И каждый новый фрагмент информации все сильнее ранил Лею в животе и давил с ошеломляющей силой, пока даже при слабом освещении центра оценки Intel у нее забилося сердце и забилося сердце. «Что-то происходит», - пробормотала она, качая головой, зная, что теперь она повторяет мысли Хана, «Что-то большое». . . . Мара долгие секунды стояла, теряя внимание, во внутреннем атриуме медикентра, нетерпеливо постукивая ногой, ожидая Халлина.

Хотя ей ни разу не исключили возможность увидеться с Люком за те три дня, которые он провел здесь после дуэли с Императором.... с Палпатином она теперь с дискомфортом осознавала тот факт, что каждый раз, когда она появлялась, ее заставляли ждать, пока не появится личный медик Люка и надежный союзник Натан Холлин, чтобы очистить ее для входа. Таким образом, было сделано вежливо, подчеркнуто ясно, что, если они захотят, либо Халлин, либо Рис в настоящее время будут иметь право полностью исключить ее из возможности видаться с Люком, ее доступ будет контролироваться, вероятно, больше по настоянию всегда осторожного Риса, чем по настоянию Холлина, как она подозревала; Медик, казалось, немного смягчился за несколько дней после «происшествия», его измотанные нервы успокоились, когда Люк выздоровел.

Сегодня он даже улыбался, входя в атриум из медцентра, оставаясь в дверном проеме, как приглашение для нее вернуться с ним. «Доброе утро, командир». Бросив взгляд на настороженных стражников, Мара шагнула вперед. Конечно, она могла пройти мимо них в любой момент; пять лет, когда личный телохранитель Люка ни в малейшей степени не притупил ее боевое превосходство, и если бы она почувствовала в этом необходимость, все они были бы мертвы, прежде чем хоть один смог бы вытащить свое оружие.

Но сейчас не время волноваться; прямо сейчас ей нужно было играть в эту игру - и ей нужно было, чтобы все знали, что она готова к этому. Потому что внезапно, после жизни на вершине кучи в качестве личного посланника Палпатина, у нее вообще не было официальной юрисдикции. Ни законного звания, ни власти, ничего - только двусмысленная личная связь с человеком, который был преемником Палпатина, и это ненадежно, если они узнают правду ... если Люк решит сказать им. Пока он этого не сделал.

"Вы можете пройти прямо". - легко сказал Холлин, тактично не пытаясь войти в номер Люка,

когда она прошла мимо него. «Он уже встал». Когда она вошла в его небольшую каюту в медицинском центре, Люк был на полпути, обхватив одной рукой ребра, чтобы не допустить травм. На нем были только льняные брюки для сна, так что почти смертельная рана от светового меча, проходившая спереди назад через одну сторону его живота, была хорошо видна, отмеченная рядами аккуратных швов и сифилиса, сильное внутреннее кровотечение, оставляющее темные синяки. Он сделал паузу, полуулыбаясь. Им обоим все еще было не по себе, нарушение доверия, которое совершила Мара, все еще оставалось в их головах, и хотя Люк, казалось, на одном уровне, казалось, готов был преодолеть это, Мара все же могла понять его сдержанность, так скоро после события.

Она хотела поговорить, по крайней мере, чтобы ей было позволено изложить свои доводы, сделать некоторую попытку если не защищать того, кого нельзя защищать, то, по крайней мере, объяснить это, извиниться - положить конец. Но он еще не был готов, не желая вообще обсуждать это, не говоря уже о ее роли в этом. Каждая попытка со стороны Мары заставляла его либо защищаться, либо уклоняться, а ее собственная вина и очевидная хрупкая хрупкость Люка, как психологическая, так и физическая, заставляли ее тревожно молчать. Осознание своего шаткого положения - того факта, что если она слишком сильно раскачивает лодку, то Рис или даже Холлин вполне могут решить, что в интересах Люка ограничить ее доступ к нему, и что в его нынешнем состоянии и с учетом ее действий он вероятно, позволила бы это - также тревожно играло в ее голове, заставляя Мару волноваться, что они оба пережили все это только для того, чтобы быть разделенными этим.

Теперь она нерешительно улыбнулась, когда он неловко отвел взгляд, его собственная улыбка была быстрой и натянутой. "Вы рано." Это была неловкая банальность, но в тот момент Мара не могла придумать, что еще сказать. Она сделала два быстрых шага вперед, когда он отступил и повернулся к ней боком, превратив то, что было бы интимным поцелуем, в нечто большее, чем прикосновение к краю его губы. Чтобы скрыть этот факт, он свободной рукой потянулся к кровати за свежим полотенцем, которое было там расстелено, скорее для того, чтобы избежать ее близости, чем по какой-либо более важной причине.

«Я просто...», - он поднял толстое, тяжелое полотенце, извиняющимся голосом больше за неловкость своего избегания, чем по какой-либо другой причине, она знала. «Натан приготовил меня для душа». Его тихие слова были идеально произнесены. Даже здесь, наедине, утонченный корусканский акцент, который Палпатин был так решительно озвучен, что он так врезался в него на протяжении многих лет, все еще сохранял власть, его собственный провинциальный акцент Рима полностью потерял для него. Еще один маленький кусочек Люка Скайуокера сдался, чтобы выжить.

Но все же оставались фрагменты, которые можно было увидеть, если вы знали, где искать - он ненавидел звуковые души по той единственной причине, что он вырос с ними на Татуине, где вода была слишком редкой - товар, который нельзя тратить на стирку. Он придирался к Холлину с того момента, как проснулся, и медик, очевидно, наконец смягчился, хотя, зная Люка, он вполне может действовать здесь по собственной инициативе, несмотря на его слова. Мара отступила в сторону, скривив голову: «Император галактики, и тебе нужно подождать...»

«Не говори так». Он сказал быстро, все еще испытывая глубокое беспокойство из-за всего, что произошло. Мара вздохнула, гадая, как у Риса и Холлина ладят с этим; конечно, он ни разу не позволил титулу пройти без возражений ей. Но факт был в том, что после смерти Палпатина его титул немедленно перешел к его названному Наследнику. Первое сообщение о его смерти должно было распространиться по всем официальным каналам Голонета через несколько часов, через три дня после фактического события, вместе с коротким, предварительно записанным сообщением Люка. Предварительно записано.

Тонкое напоминание о том, что восстание было спланированным, каким бы преждевременным оно ни было. Неудивительно, что Рис и Холлин приложили немало усилий, чтобы скрыть тот факт, что именно Люк убил Палпатина в дуэли, которая почти стоила им жизней. Дуэль, инициированная Марой, хотя ни Рис, ни Холлин еще не знали об этом. Потому что именно Мара сообщила императору о несанкционированных встречах Луки с его отцом; та, которая выявила его восстание. Нехотя, но все же... верил ли Палпатин ей, что Люком манипулировал его отец, или у него были собственные причины для убийства Вейдера, она не знала, и в конечном итоге это не имело значения.

Важным моментом было то, что именно Мара предала Люка и его отца. Люк, несомненно, должен считать ее виновной в смерти своего отца. И в собственном сознании Мара чувствовала тошнотворную вину за ответственность за Палпатина - человека, которому она присягала в абсолютной преданности. Она вспомнила, как ее учитель однажды сказал, что чувствительные к Силе, по самой своей природе, способствуют переменам, их участие в любом событии делает его слишком подвижным, чтобы его можно было прочесть или предсказать с какой-либо точностью. Люк был совершенно непредсказуемым - черта, которая с годами усиливалась, а не стабилизировалась. Когда его впервые привезли сюда против его воли, он, по крайней мере, был предсказуем в своей преданности друзьям и целям; управляемый через них. Но Палпатин лишил его таких «слабостей» и тем самым освободил его от любых связей.

Он считал, что создал своего волка - так назвал Люка; его Волк, его идеальный защитник ситхов. Все, что он ожидал от Вейдера, наконец сбылось в его сыне; Всю силу, связь и настройку на Силу, которые он когда-то видел в своем отце, Палпатин наконец осознал в Скайуокере. Но созданный им волк был диким, своенравным и диким, и, оглядываясь назад, ее хозяин никогда по-настоящему не приручил этот огонь и ярость. Он надел его на поводок, какое-то время прижал к каблуку, но ... Мара вспомнила, как однажды она сказала Люку, что прозвище Палпатина для его нового ситха было подходящим, и он обернулся против нее, возмущенный; «Значит, ты дурак, что здесь - никогда не верь волку». "Я доверяю тебе". «Нет, не совсем. Ты говоришь себе, что можешь доверять - ты думаешь, что ты в безопасности, потому что по какой-то причине ты веришь, что можешь это контролировать... но я не могу, так что я чертовски уверен, что ты можешь» т.

Вы далеко не так безопасны, как думаете ". «Вы говорите, что способны причинить мне боль? Я вам не верю». «Я говорю, что если ты протянешь руку волку, ты не должен удивляться, когда он укусит». Теперь она отступила на шаг, позволяя ему пройти, глядя на него, когда он это делал; на множестве мелких порезов, царапин и царапин на его теле и лице от дуэли, видны бледные щетинки, потому что он еще не мог бриться. Он не был похож на волка. Не был похож на ситхов или императора. Не был похож на человека, убившего Палпатина - который изменил путь галактической истории ... Но правда заключалась в том, что он был всем этим - и от момента к моменту она никогда не была уверена, кем он будет больше... и в глубине души она подозревала, что Люк чувствовал то же самое. Но в одном она была уверена, даже если сам Люк не знал; он был Императором.

Своей собственной рукой он теперь стал Императором. «Люк, ты знаешь, что в какой-то момент тебе придется принять...» «Не сейчас. Еще нет». Он сказал ровно, не поворачиваясь, голосом тихим, но решительным: «Я разберусь со всем - исправлю. Но позже». Он медленно пошел прочь, усталый до костей, все еще сжимая рукой свой раненый живот, оставив Мару еще раз удивляться, как она могла связать тихого, скромного человека перед ней с тем, кто вернулся во дворец всего через несколько часов после смерти его отца. разгневанный, лишенный и возмущенный, наконец спровоцированный до такой степени, что он был готов бросить вызов Палпатину. Из-за нее. Из-за нее он сделал это.

Она опустила голову, пытаясь разжечь искру комфортной, знакомой близости между ними, но не в силах даже смотреть ему в глаза. «Я...» вспомнив, что он шел в душ, Мара заикалась, остановившись, когда Люк остановился, опираясь на дверной косяк более свежего для поддержки. Она неуверенно улыбнулась, внезапно почувствовав себя неловко, не зная, что ей делать. «Я просто... я подожду здесь». Сидя на кровати, она огляделась, воспоминания о раннем утре и совместном душе и о множестве украденных моментов близости во Дворце живо играли в ее голове. Люк молча кивнул и, не оглядываясь, исчез в более свежем номере. . Внутри он остановился, прижав руку к стене, пока он успокаивался, его мысли метались, не зная, осознает ли она, насколько глубоко ее близкое, внимательное присутствие беспокоило его прямо сейчас.

Иронично, правда; они так долго прятались и маскировались, скрывая свою близость. Каждый взгляд - опасность, каждое прикосновение - украденный риск, и теперь, когда они наконец-то могли быть вместе, теперь он просто... больше не знал. Не знал, сможет ли он простить ее - или это вообще ее вина? В конце концов, именно он спровоцировал и позволил продолжить отношения, которые, как он знал, были опасны для него самого и окружающих; Мара никогда не скрывала своей преданности. Это он признался Маре, что он и его отец были в сговоре, когда она противостояла ему, он фактически отказался взять ее с собой в Мосиин, оставив ее во дворце рядом с ее хозяином.

Он дал ей боеприпасы, но все же... она решила использовать их. И что это их оставило? Он действительно имел в виду что-то еще. Он позволил себе прислониться к стене, частично из-за истощения даже от этого небольшого усилия, а частично из-за страха перед собственными опасениями, мраморный холод на его лбу, когда он закрыл глаза, прислушиваясь к хрипу в своем дыхании из его травмированное легкое. «Вы не можете доверять». его Учитель говорил так много раз. "Доверие всегда будет ограничивать и сдерживать; доверие всегда будет ослабевать и предавать. Если я оставлю вас с одним знанием, так и будет; враги воюют, но раны чисты, и они всегда заживают.

Одно только доверие заставит вас по-настоящему истечь кровью , дитя. Одно только доверие может искалечить и искалечить - предательство - самый жестокий мясник ». Люк медленно покачал головой о прохладный мрамор; это неправда ... не так ли? Его отец доверял, и это убило его; Люк знал, что драки не было. Один удар прямо в сердце. Палпатин доверял по-своему; уже тогда думал, что Люк позволит ему контролировать - и это убило его. Люк поверил и потерял все. Он как дурак доверял. Несмотря ни на что; каждый урок, каждое назидание, каждый нетерпеливый пример от имени своего Учителя.

Продолжал ли он теперь доверять? Он ничего не узнал? Или он перестал доверять и доказал, что Палпатин прав? Давал ли он черным ситхам власть над собой - это влияние, эту победу ? Потому что будь он проклят, если он это сделает. Но он не мог сделать это снова; не мог снова так истекать кровью. Не могло быть так больно. И что он сделал? . Погруженная в собственные мысли и разочарования, Мара резко вскинула голову, когда звук проклятия Люка пронесся сквозь полуоткрытую более свежую дверь над шипением воды, заставив ее быстро подняться на ноги, опасаясь, что что-то случилось.

"Люк ... ты в порядке?" Она нерешительно подошла к освежителю и вышла во внешнюю комнату. Его голос доносился из дальнего края широкого матового экрана, пронизанный разочарованием и разочарованием: «Да, только я не могу поднять руки над головой». Он не мог даже этого сделать - даже мыть голову не мог. Его хотели назвать Императором, а он даже не мог этого сделать. Мара молчала долгие секунды, разрываясь между сочувствием и беспомощностью... затем она улыбнулась. Обернувшись, она быстро прошла через отделанную мраморной плиткой комнату и заперла дверь в освежитель, расстегивая молнию на своем боди.

Люк оставался под проливным душем в течение долгих минут, положив руку на рану на животе, где вода ужалила швы, чувствуя, как она пропитывает его, смывая воспоминания, которые угрожали сокрушить его; осознание того, что он сделал, все еще необработанное воспоминание о том, почему, абсолютная потеря того, что делать дальше ... Гладкие руки гладили его плечи, заставляя его вздрогнуть, так глубоко он задумался ... «Мара !? Что ..»

Неужели она забыла, где они? Она взяла небольшую полоску шампуня, протянула его через его спутанные водой волосы. «Повернись». "Не могли бы вы ... какого черта вы делаете !?" «Я мою голову». Она сказала спокойно. Он протянул руку, чтобы взять ее руки, когда она подняла их к его голове, с силой удерживая ее назад, но она мягко покачала головой, голос был открытым, твердым и непреклонным, обещая силу, в которой он нуждался прямо сейчас, спокойствие в глазах буря. «Больше никаких секретов, Люк. Больше не надо прятаться. С этого момента мы устанавливаем свои собственные правила.

Мы создаем свое собственное будущее. Мы преодолеем это - мы пройдем через это вместе». Она осторожно высвободила руки из его рук и снова протянула руку, чтобы провести пальцами по его влажным волосам. Медленно, нерешительно он расслабился, опуская голову под струю воды, положив руки на ее стройные бедра. . . . Было уже поздно, когда объявление было опубликовано по всем официальным каналам Голонета; Император Палпатин, основатель Галактической Империи, умер накануне ночью после непродолжительной болезни. На борту базы повстанцев, Дом-Один, Лея услышала новости из шпионской сети ботанов примерно за час до того, как они были опубликованы в Голонете, но она все еще ждала, прежде чем сделать заявление по всем каналам флота, не в силах заставить себя сделать это. до этого момента.

Почему-то она не поверила этому - не осмелилась - и все же каждой фиброй своего существа она знала, что он ушел. Теперь, вот так, за несколько минут абсолютно все изменилось, и они стояли на зыбучем песке, и вся галактика пошатнулась. Все и ничего; После официального объявления Скайуокер в мрачной одежде прочитал короткое сообщение с идеально выраженным корускантинским акцентом. Выражение сожаления, обещание преемственности, обеспечение стабильности. Лея стояла со всеми в столовой, когда она была выпущена, она пошла туда сразу после объявления Голонета о смерти Палпатина, зная, что будет тысяча и один вопрос, ни на один из которых она не сможет ответить.

В комнате царил шум, когда кто-то ворвался, включил там голо-излучатель, крикнул и заткнул толпу. Все погрузились в медленное, тревожное молчание, чтобы услышать тихо произнесенные слова темного Наследника, ни тени эмоций на его лице или его тоне. Вот только, как она подумала, он больше не был Наследником - и волнение чувств, которое поднялось в ней при этом, было головокружительным, заставляя ее хвататься за Хана рядом с ней. Что ты сделал? Что вы сделали, когда человек, которого вы когда-то считали так хорошо знали, стал Императором? Что вы сделали, когда это была самая ужасающая мысль, которую вы могли назвать? Его последние слова, произнесенные с тихим достоинством в придворных традициях архаических Корусканти - заверение, тонко направленное на королевские дома, а не на население в целом, - не скрывали твердость пермастали и абсолютную убежденность, которые подчеркивали их; «En Emporo morteo. Emporitus eternuus». Император мертв. Да здравствует Империя.